

NETHER

МНЕ НЕ ТЯЖЕЛО НАЙТИ СЛОВА...
НО ПОИСК СМЫСЛА ЗАНИМАЕТ
ГОРАЗДО БОЛЬШЕ ВРЕМЕНИ.

НЕФЕНТЕ

Netherbird (слева
направо): Адриан
Эрландссон, Бизмарк,
Йохан Норд, Нефенте

R BIRD

Полет за пределы

Слова: Аттера Нокс Фото: Даниэль Фальк

Шведы NETHERBIRD — это, определенно, группа, которая создана ломать стереотипы. Команде уже четыре года, но она пока ни разу не выступала. Ей еще четыре года — и она уже представлена в Hammer на четыре разворота. Это музыка для думающих людей, хотя приобщиться к ней может каждый. Хотя ее условно относят к мелодик-блэку, на самом деле стилистические ограничения в ней отсутствуют. А вплоть до этого года отсутствовал и постоянный состав, и в студийных сессиях приняли участие многие известные метал-персонажи. Первые три сингла Netherbird любой желающий может свободно скачать в Интернете. Дебютный альбом The Ghost Collector — это работа, в которой вдохновение и перфекционизм слиты воедино, создавая мерцающую эссенцию чистого искусства во всем его разнообразии. Мы с вокалистом и основателем Netherbird Нефенте сидим в уютном баре в исторической части Стокгольма и обсуждаем творческие аспекты жизни, погоду, шведский экстрим-метал и Шекспира. И Netherbird, конечно.

Начнем с самой первой отправной точки: как и с чего началась история Netherbird? Во время прослушивания музыки возникает четкое ощущение, что идея этой группы существовала еще до того, как вы собрались вместе.

Радует, что ты обратила на это внимание, поскольку в момент фактического создания группы у нас уже было четкое представление, какой она должна быть. Это была не какая-то абстрактная идея, а уже оформившееся видение, которое сложилось частично у меня, частично у Грима и Бизмарка, двух других музыкантов, стоявших у основания нашей команды. Я сама являюсь активным участником экстремальной метал-сцены с 90 года, но мои прежние группы были большей частью любительскими, и в связи с этим постоянно сталкивались с разного рода ограничениями — тогда мы просто не могли развиваться дальше, чем позволяли наши навыки игры. С Netherbird все происходило абсолютно иначе — мы изначально сфокусировались не на том, с какой скоростью может

барабанить наш ударник, а на музыке, которую хотим исполнять. А уже потом стали думать, кто из музыкантов мог бы справиться с этими партиями лучше всего. Это дало нам неограниченную свободу, и я мог полностью сконцентрироваться на творчестве. У нас было четкое представление о том, что нам следует делать и в каком направлении двигаться, и в каком-то смысле у нас получилось это осуществить. Наш первый альбом уже вышел, и он звучит почти так, как мы это себе представляли с самого начала.

Расскажи, как появилось название Netherbird, имеет ли оно какое-то отношение к шумерской мифологии?

Мне всегда нравилось играть со словами, и наше название возникло именно таким образом. Я люблю находить новые сочетания слов, которые на мгновение замораживают твоё сознание и заставляют задуматься. И мне очень хотелось, чтобы название могло бы передать то, чем является наша команда, но при этом в неочевидной форме. Так что образ птицы возник естественным образом, и вопрос заключался в том, что можно придумать,

основываясь на этой концепции. Для меня птица — это символ свободы, левитации вне привычных рамок. Но мне хотелось передать и оттенок мрачности, поскольку в конечном итоге мы все дарк-металлисты. Нам не хотелось использовать уже привычный образ птицы-предвестника шторма — мы искали что-то, что до нас еще не использовалось. Что касается шумерской мифологии — может быть, и так. Но мне бы хотелось оставить слушателю свободу интерпретации нашего имени. В любом случае, оно всегда символизирует темную красоту и свободу.

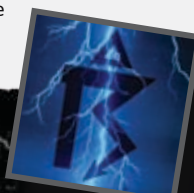
Почему я спросила про шумерскую мифологию — в ней упоминалась черная птица, грозовой вестник, который в древних текстах фигурировал под именем Птицы Анзу — что означает «шторм» или «сильный дождь». А образ бури также имеет отношение к вашей команде...

Да, и это весьма жутковатое сходство — ведь кроме всего прочего, если нечетко произнести наше название Netherbird, то получится

«nederbord» — что по-шведски означает сильный дождь или грозу. А один из символов, который мы используем в группе — метеорологический знак, обозначающий шторм, так что все вдвойне переплетается между собой!

А как ты познакомилась с Бизмарком? Как давно вы знаете друг друга?

Мы с ним впервые встретились летом 2004 года, когда я записывалась в студии с другой своей командой, Fear The Future. У нас возникли трудности с микшированием барабанных партий, а поскольку мы записывались на пленку, это усложнило нашу ситуацию. Барабанщик позвал на помощь своего друга, который хорошо разбирался в технических аспектах студийной работы. И тогда рядом с нами появился этот кудрявый парень с совершенно поразительной энергией и отношением к работе, который 17 часов подряд конвертировал наши записи с пленки в цифровой формат, что-то подправлял и затем переводил обратно на пленку. Потом выяснилось, что до этого он не спал в течение 24 часов, и в студии отдохнуть ему тоже не

Метеорологический символ №99: «штормовой гром»

В 94 ИЛИ 95 ГОДУ МНЕ ДОВЕЛОСЬ ВЫСТУПАТЬ С DISSECTION, И ТОГДА ОНИ БЫЛИ ДЛЯ НАС ПРОСТО ЕЩЕ ОДНОЙ ГРУППОЙ.

НЕФЕНТЕ

удалось — так что он в буквальном смысле слова бил себя по щекам, чтобы проснуться, и пил кофе в неимоверных количествах, но довел дело до конца. Мне никогда не доводилось видеть кого-то в музыкальной сфере с таким рвением к работе, я был просто поражен энергией и профессионализмом этого парня. За эти 17 часов нам удалось немного пообщаться — оказалось, у нас общие музыкальные корни, а он сам играет на гитаре. Он настолько впечатлил меня, что мы договорились созвониться и попробовать свои силы в общем проекте. Прошло еще какое-то время, прежде чем я позвонил ему, но он моментально загорелся идеей поработать вместе со мной. С момента нашей встречи до основания Netherbird прошло четыре месяца.

Насколько мне известно, сначала вы планировали назвать свой дебютный альбом *Monument Black Colossal*, но потом ваши планы изменились, и пластинка вышла под названием *The Ghost Collector*. С чем были связаны эти перемены?

Мы действительно были уверены, что наш первый альбом будет называться *Monument Black Colossal*, а вариант *The Ghost Collector* вообще появился очень неожиданно. Когда мы выпустили свой первый сингл *Boulevard Black*, с нами связалась компания Pulverised Records из Сингапура, и ее представители сказали, что очень заинтересованы в нашей группе. На что мы были вынуждены ответить отказом. На тот момент мы были совсем молодой командой, нам предстояло осуществить ряд поставленных перед собой задач, прежде чем мы были бы готовы заключить контракт с лейблом. Но очень

многие слушатели хотели, чтобы мы издали настоящую пластинку, и мы предложили этому лейблу вариант, что соберем все свои записи, которые до того выкладывали в Интернет, добавим пару новых композиций и выпустим диск с названием *The Ghost Collector* [«Собиратель призраков»]. Просто мы рассматривали каждую свою композицию как некий призрак того или иного состояния, в котором она была записана — так что новое название возникло естественным образом — мы собрали все эти призраки вместе и сформировали из них единое целое.

Сама по себе идея выпускать ваши первые записи через Интернет для свободного скачивания была довольно рискованной. Сегодня в музыкальной сфере нельзя не учитывать технологические аспекты, но ведь это связано с материальными потерями для группы. Как вы решились на такой шаг?

У нашей команды есть свойство делать все по-своему, иначе, чем остальные. Мы же артисты, музыканты, и наша главная цель в жизни — сделать так, чтобы нашу музыку услышали. А поскольку над нами не стоял лейбл, который бы толкал нас в нужном ему направлении, мы с первых дней решили выпустить сингл и два EP как интернет-релизы, доступные для свободного скачивания — просто для того, чтобы понять, интересна ли слушателю наша музыка. Может быть, это прозвучит спорно, но я все равно это скажу: я бы не возражал выпустить альбом в двух вариантах — издать на CD, для тех, кто хочет иметь в коллекции именно диск, и выложить его полностью в свободном доступе на нашем

Нефенте: ловец теней

Норд: повелитель струн

сайте. Он же все равно появится в Интернете, так что разница лишь в отношении — считать ли этих людей нарушителями за то, что им нравится наша музыка, или с самого начала дать им возможность слушать ее легально. Конечно, мне будет непросто убедить в этом рекорд-лейбл, но я сам ничуть не возражаю против того, чтобы люди могли свободно слушать наши записи. Так что для нас число слушателей гораздо важнее денег, и поэтому мы и приняли такое решение.

Как вам удалось заполучить на запись такое созвездие приглашенных музыкантов? Знали ли вы их до этого, или совместная работа стала поводом для знакомства?

Нет, мы не были знакомы со всеми этими людьми — я имею в виду, мы все принадлежим к экстрим-металлической сцене, так что я, конечно же, знал о них, но не знал никого из них лично. Так что мы сначала написали песни, а потом, в процессе прослушивания, думали: а вот здесь, наверное, подошли бы барабаны Адриана [Эрландссона, экс-Cradle Of Filth, экс-At The Gates, экс-The Haunted и т.д.].! Это всегда колоссальный риск — но и колоссальная возможность, ведь нам довелось работать с настоящими мастерами своего дела, с кем при другом раскладе у нас вряд ли был шанс пересечься в одной студии. Но они сразу проявили интерес — и мы предоставили им абсолютную свободу музыкального самовыражения. Мне хотелось, чтобы тот же Адриан реализовал себя максимально, поскольку он действительно знает, как играть на барабанах — никто не знает, как ему стоит играть, лучше него самого. Мы рассматриваем это как некое творческое пространство, рамки которого ты можешь раздвинуть в том направлении, в каком захочешь. Но я до сих пор очень польщен, что эти ребята, услышав только гитарное демо, сразу же говорили: «Да, я буду в этом участвовать». И я не стану экономить слова и энергию, чтобы выразить свою благодарность каждому из них, поскольку именно они сделали Netherbird тем, чем мы являемся.

С тех пор произошли изменения, и у вас сложился стабильный состав.

Да, конечно! Дело в том, что «плавающий» состав сразу же отпал бы для нас возможность выступать с концертами и быть настоящей группой. Нас всегда называют проектом, но это не так — мы именно группа. Так что формирование стабильного состава было необходимым шагом. Сейчас Netherbird — это я на вокале, Бизмарк на гитаре и клавишных — может быть, он сможет совмещать эти роли на концертах, а возможно,

нам придется искать дополнительно клавишника для выступлений. Также это Йохан Норд, новое лицо в группе, хотя он работает с нами уже довольно давно — сначала в качестве студийного техника на некоторых записях, а начиная с EP *Lighthouse Eternal* — и как музыкант. Он наш второй гитарист, а также отвечает за бэк-вокал — как гроулинг, так и чистый. И, наконец, Адриан Эрландссон, который отныне официальный участник группы, на барабанах. У нас есть кандидатура басиста, но это еще не подтверждено, так что я не могу сказать, кто это — но это чертовски талантливый парень, который может привнести в группу очень многое. Но поскольку это пока не решено, я не буду упоминать его имя, надеюсь, что вы меня поймете!

Будем ждать новостей! А пока развясним одну любопытную вещь: мне многие скандинавские музыканты говорили о некой связи между климатом и музыкой. Что погодные условия в Швеции или, например, в Норвегии — когда по полгода живешь в холоде и темноте — способствуют рождению мрачной и экстремальной музыки. Влияет ли климат на творчество Netherbird?

Я думаю, мой ответ будет немного сложнее, чем просто да или нет. Я действительно считаю, что климат — это один из факторов, благодаря которому шведские группы звучат так, как они звучат. Мне кажется, что погодные условия очень сильно сказались на традиционной шведской и скандинавской музыке — народной культуре. А народная музыка, в свою очередь, — это то, что, на мой взгляд, лежит в основе дэта и блэка: я имею в виду созвучия и гармонии, которые как будто являются частью окружающей нас природы. Так что да, полумрак этого места и поражающие воображение эпические пейзажи — все это влияет на нас, и мы принадлежим Скандинавии до мелочей — вплоть до того, что мы чувствуем и как себя ведем. Так что я согласен, что климат — это важный фактор, хотя он в большей степени повлиял на фолк-музыку, — которая уже повлияла на нас, — чем на наше творчество напрямую.

И ваш метеорологический символ также служит этому своеобразным подтверждением! А как он вообще у вас появился?

Мы всегда стараемся быть проще и доступнее, и нам хотелось найти что-то менее сложное и навороченное, чем логотип, что могло бы также символизировать нашу группу. Мы долго это обсуждали, но потом я как-то увидел в прогнозе погоды символ, напоминающий букву R, который является обозначением грома, и моей первой мыслью было: какая

чертовски классная руна! На самом деле, это обычный метеорологический символ, но он выглядит, как руна, и при этом обозначает всё самое стихийное, свободное и величественное, что восхищает меня сильнее всего. Тогда я полез в таблицу обозначений метеорологических явлений и наткнулся там на другой символ, №99. Обычный гром, по-моему, там проходит под номером 98, а 99-й — это штормовой гром или сильная гроза. Он выглядит как латинская R, но со значком молнии и треугольником сверху. В повседневной жизни этот символ мне никогда не встречался, но для меня он имеет значение, поскольку, образно говоря, обозначает многое из того, с чем у меня ассоциируется Netherbird. Поэтому мы и остановили на нем свой выбор — он символизирует величие грома, всю красоту шторма. Такая трактовка, конечно, может показаться высокопарной, но мне этот символ нравится, и я нахожу его очень красивым.

Как ты начал слушать металл и как начался твой активный путь на этом поприще?

Моя первая группа называлась Twisted Sister Jr., и мы «выступали» на крыше дома моих родителей, играя на воображаемых инструментах. Мой отец сделал мне V-образную гитару из обычного куска фанеры, и мы всячески изображали, что играем, — а посетители платили нам за такое «шоу»... Конечно, все эти «концерты» устраивались только для наших родителей [смеется] — но таким образом свое первое выступление я отработал в возрасте восьми лет. А когда мне было девять, я увидел по телевизору клип W.A.S.P. *I Wanna Be Somebody* — и внезапно понял: вот чем я хочу заниматься! Блэки Лоулесс — самый чумовой парень на свете! Тогда же я открыл для себя хэви-метал, и с тех пор слушал только такую музыку. Со временем я попал в Штаты, где купил несколько виниловых пластинок-сборников, среди прочих там обнаружили такие команды, как Anthrax и Exodus — и я подумал, черт возьми, это гораздо тяжелее, чем все, что я слушал раньше! Но что навсегда изменило мою жизнь — это сборник Earache, который назывался *Grindcrusher*, и где были такие сокровища, как Bolt Thrower, Morbid Angel, Napalm Death, Godflesh, Filthy Christians... Они просто открыли мне глаза и уши, я был настолько поражен, что только и мог сказать: «Черт побери, вот оно!» И тогда мы с моими друзьями собрали группу. Это было в 1990 году, и команда называлась Toxic Breath. Мы очень хотели быть трэшевой командой, так что у нас весь этот трэш происходил по жизни, и выглядели мы соответственно — обрядились в бермуды и фланелевые рубашки и

систематически смотрели Headbanger's Ball по MTV, просто чтобы понять, какими мы должны быть. В '91 году я крепко влюбился в дэт-метал и начал подпевать на бэк-вокале гроулингом, а потом получилось так, что мы уволили нашего вокалиста и решили продолжать в качестве трио под новым названием Sickness. Тогда же мы переориентировались на дэт-метал. Мне тогда безумно нравилось сочетание разных способов вокала — глубокого гроула и истошного скриминга, — а совмещать это с игрой на басу было довольно непросто. Так что, начиная с '93 года, я ограничился вокальными функциями. Эта группа просуществовала до '97 или '98 года — я точно не помню, когда мы распались — после чего у меня было несколько лет перерыва. А потом мы вдруг встретились с друзьями в баре и решили: черт возьми, мы должны возобновить это дело! Так появилась команда Fear The Future — довольно примитивный блэк-метал, но тогда я впервые понял, что двигаюсь в верном направлении. Так что я нахожусь на экстремальной сцене с 90 года, и самые крупные концерты на данный момент я отыграл на очень раннем этапе своей карьеры — но лучшие шоу еще впереди!

Я могу себе представить, насколько это особенное ощущение — быть частью шведской экстремальной сцены с самого начала и наблюдать ее развитие изнутри!

Это была одна из причин, почему мы решили играть музыку — ведь вокруг было столько потрясающих команд! Я до сих пор большой поклонник Entombed, но если разобраться, этим парням, когда они начинали, было столько же лет, сколько и нам. И это нас очень вдохновило. Ведь там, где я вырос, не было метал-групп, не было людей с длинными волосами — мы стали первыми. Сначала на нас, конечно, показывали пальцами, а потом некоторые девушки стали обращать на нас внимание, что сделало все наши усилия стоящими... [смеется] А затем мы стали повсюду встречать таких же безумцев, которые тоже бредили экстремальной музыкой — и это было потрясающе: в то время, куда бы ты ни отправился в Швеции, повсюду находились люди, которые только что собрали собственную команду. Одни из них впоследствии стали Desultory, то есть, многие действительно создали историю шведского метала — но тогда мы этого еще не могли знать и просто вместе напивались и играли музыку. В '94 или '95 году мне довелось выступить с Dissection, и тогда они были для нас просто еще одной группой. Они, конечно, были классными парнями, которые играли сногшибательную музыку — но тогда это

Бизмарк, художник звука

Адриан, громовержец

вос-
прини-
малось
совершенно

естественно, и многие потрясающие банды тогда были для нас просто хорошими приятелями, которые разделяли наши интересы.

Вы сочетаете не только разные музыкальные стили, но и разные формы искусства — от литературы, поэзии и философии до визуальных аспектов. Было ли это изначальной идеей?

Мы с самого начала сказали себе: мы не должны ставить себе четкие рамки и будем делать то, что нам нравится. И тогда стало очевидно, что если у нас отсутствуют стилистические ограничения, то не может быть рамок и для вокальной подачи; а это, в свою очередь, означает, что, используя разную манеру пения — гроулинг, скриминг или чистый вокал, или что-то еще, — я могу исследовать любые оттенки настроений в лирике. Таким образом, я стараюсь, чтобы лирика соответствовала музыке, и наоборот. То же самое и с оформлением: мы всегда стараемся, чтобы все было связано между собой. Например, ярким примером может служить наш EP *Blood Orchid*: мы написали музыку для одноименной композиции, после чего обратились к французской художнице Мели, которая разработала обложку для сингла — и она придала этой работе более мрачный кибер-готический оттенок. Это дало мне идею для лирики, что по цепной реакции повлияло на Бизмарка — он решил сделать партии клавишных на этой пластинке более футуристическими, чтобы все воспринималось как единое целое. Так что обложка может дать новый виток аранжировке, аранжировка отражается на моей лирике — это всегда борьба множества факторов, которые подпитываются друг от друга.

Стремитесь ли вы контролировать творческий процесс, или же он протекает в свободной форме?

Творческий процесс лучше держать открытым, я думаю. Когда художник получает нашу демо-запись и базовую идею, чтобы на ее основе рисовать обложку, я не хочу ограничивать его или ее своими задумками. Напротив, мне интересно увидеть их интерпретацию того, что они услышали — меня это очень вдохновляет. Мы стараемся не давать четких напутствий, просто позволяем этому развиваться — а после этого смотрим, что получилось. И это пугает — сильно пугает, поскольку ты никогда не знаешь, каким будет результат. Но мы не ограничиваем ни художников, ни приглашенных музыкантов и — я до сих пор не устаю поражаться этому! — получаем взамен намного больше, чем могли бы создать сами.

Лирика — это та часть металлического искусства, на которую не всегда обращают внимание, но в случае Netherbird ее хочется подчеркнуть особенно. Насколько слова твоих песен перекликаются с тем, что происходит в твоей жизни? Иными словами, сколько в них настоящего Нефенте?

Весь целиком, я бы сказал. Я мог бы с уверенностью выделить некоторые эпизоды своей жизни, которые легли в основу песен; но поскольку большинству людей это не интересно, я стараюсь оставлять свободу для интерпретации настолько, насколько это возможно. Моя лирика имеет смысл только тогда, когда кто-то другой

послушает ее и создаст свой собственный образ, который будет иметь отношение к нему самому. Я использую слова, смысл которых я понимаю; я описываю чувства, которые переживаю сам — и они брутально честны. Иногда мне даже больно открывать их на всеобщее обозрение; и порой я чувствую себя крайне уязвимым, когда пишу лирику к своим песням. Конечно, я не загружаю людей слишком личными деталями, но когда на душе тяжело, я пишу, чтобы залечить раны. Так что моя лирика всегда честна, порой до резкости — но все же в итоге я стараюсь не делать ее слишком «моей» и оставлять слушателю возможность сделать эти строчки своими. Так же, как было с лучшими песнями, которые я знаю, с композициями, которые стали частью меня, когда я прочитал их лирику. На самом деле, когда я «отпускаю» лирику в песню, она перестает быть моей и уже принадлежит слушателям. Тем не менее, эти тексты очень личные, и я бы никогда не смог подделать эту искренность — ведь если мне предстоит исполнять песню, она должна иметь для меня значение, иначе я не смогу спеть ее даже в студии. Даже если бы меня убивали, я не смог бы изобразить честность там, где ее нет.

А какие аспекты жизни особенно вдохновляют тебя?

Постараюсь избежать штампов вроде «меня вдохновляет сама жизнь»... Меня во многом вдохновляют люди. Я также часто обращаюсь к мастерам прошлого, например, к Гете — но вообще я могу найти вдохновение в большинстве окружающих вещей. Поэтическое вдохновение обычно возникает, когда во мне скапливается много различных впечатлений от чего-то, что я прочитал или увидел, и только тогда, когда я достигаю состояния покоя. В этом случае я могу внезапно схватиться за свой блокнот, где у меня записаны отдельные строчки или мысли, и написать где-то половину текста для песни. Так что обычно это очень долгий процесс, и я не могу написать лирику для альбома за два дня. Дело не в поиске слов, мне это не тяжело — но поиск смысла занимает гораздо больше времени. Обычно процесс происходит так: когда я получаю демо-версию трека, я ее слушаю, возможно, раз пятьдесят или больше. Потом я нахожу фразу, которая становится заглавием песни, и это название закрепляется. Названия наших песен, в основном, метафоричны — это из-за того, что они задают тему композиции. А затем я пишу что-то на эту тему, что имеет значение для меня самого. Иногда я остаюсь искренне поражен результатом — не потому, что он настолько хорош, а из-за того, что я смог понять какие-то прежде неясные вещи только тогда, когда написал о них.

Можешь ли ты назвать автора или произведение искусства, которое тебе особенно близко?

Я постараюсь не обращаться к авторам музыки... Знаешь, пусть оно покажется неубедительным, но это Шекспир. Во-первых, это красота языка, а во-вторых, он всегда представляет моральные дилеммы в очень художественном и в то же время очень собственном человеку свете. Так что, я думаю, Шекспир — мой самый любимый источник вдохновения.

В вашем видеоклипе The Blackest Breed в кадре появляется картина, которую по сюжету рисует художница с завязанными глазами. Кому эта картина принадлежит на самом деле, и чья идея легла в основу всего видео?

Концепция клипа полностью принадлежит Бизмарку. Я выступил только исполнительным продюсером этого видео, а что касается

визуальных образов и идей, Бизмарк всегда ими фонтанирует. Сама песня *The Blackest Breed* довольно символична, и то, что мы пытаемся сказать видеорядом, можно выразить так: чем мы темнее, тем мы невиннее. Невиннее... или честнее. Это настоящий гимн отверженным, ведь большинство воспринимает нас со страхом — как людей со странностями. Мы хотели использовать образ светловолосой девочки, воплощенной невинности, как смысловой центр видеоклипа — вместо Нефенте, странно одетого черноволосого парня. А картина — еще один символ; ее Бизмарк нарисовал сам — он действительно очень творческий парень. Это видео — очень искренняя попытка ухватить то, чем мы являемся. Концепция, возможно, просматривается не сразу, и делает клип сложным и непонятным; но в то же время это обычное метал-видео. Мы просто чертова метал-группа — но вместе с этим, группа с множеством идей и мыслей. Так что если тебе эти идеи и мысли интересны, они все здесь для тебя. А если ты просто хочешь потрясти голову под музыку — есть и такая возможность, мы не станем осуждать.

ОК, следующий вопрос не имеет прямого отношения к металлу и музыкальной сцене в целом, но, тем не менее, он многое скажет о тебе как о человеке. Кто у тебя в детстве был любимым литературным персонажем?

Черт, ты просто выбила меня из игры! [смеется] Это точно не Гамлет, он слишком нерешительный, так что он мне не нравится... Знаешь, я раньше увлекался ролевыми играми, так что могу сказать, что всегда играл высших эльфов — потому что они были высокими и стреляли из лука; они были своего рода эстетическим совершенством. Но если мне нужно выбрать персонажа, то это будет не Леголас, точно. Мне всегда импонировали плохие парни, чем мрачнее, тем больше они мне нравились... Наверное, моим самым любимым персонажем будет все-таки Гэндальф из произведений Толкиена, потому что он вне времени, он мудр и в то же время очень хорошо осведомлен о тени, которая окутывает мир. Гэндальф — это вселенная в себе, он мало говорит, но много знает. Иногда мне кажется, что я являюсь абсолютной противоположностью этого [смеется], но думаю, что именно эти качества Гэндальфа нахожу особенно вдохновляющими.

Гэндальф Серый или Гэндальф Белый?

Гэндальф Серый. Гэндальф неопределившийся. Потому что, когда история начинается, он нейтрален. Когда он возрождается как Гэндальф Белый, это уже христианская фигура, и я не могу соотносить себя с этим. Но мне близок Гэндальф Серый, нейтральный провидец того, чему суждено произойти, и та мудрость, которой он обладает. Мне вообще очень интересна вселенная Толкиена, хотя он сам был убежденным христианином, католиком, а я, что вполне очевидно, нет. Но он создал одушевленную вселенную, и это нечто достойное уважения.

Что происходит в команде в настоящее время, и чего стоит ожидать от вас в ближайшем будущем?

На данный момент самая актуальная задача — закончить работу над EP-сборником каверов, заниматься которым мы начали уже давно совместно с барабанщиком Дэвидом Прейсселем [Pure Inc.] из Швейцарии. На этой пластинке мы сделаем четыре кавера из нашего музыкального прошлого. Это для нас очень важно, и мы выпустим его, как и предыдущие миньоны, через Интернет для свободного скачивания. Также мы сейчас параллельно решаем, какие песни попадут в наш следующий альбом, который, на самом деле,

уже будет третьим — поскольку в течение последнего года мы очень много работали и постоянно сочиняли новые песни, у нас их оказалось слишком много. Даже после того, как мы отсеяли все те вещи, которые нам подходили на 90 процентов, готового материала набралось почти на два альбома. Весной мы намерены выпустить новый EP для Интернет-релиза — просто как символ благодарности нашим слушателям, поскольку с момента релиза *The Ghost Collector* уже прошло достаточное количество времени. За ним должен последовать миньон с каверами, а также мы надеемся, что осенью получится выпустить новый альбом, который пока не имеет названия. А потом, скорее всего, сразу приступим к записи следующего — причина такой спешки в том, что мы изо всех сил стремимся начать выступать и быть ближе к людям, которым небезразлична наша музыка. Мы хотим поскорее разобраться со студийными делами и полностью сконцентрироваться на концертах. Это наша основная точка фокусировки на данный момент.

Еще один вопрос на воображение. Если бы у тебя была возможность стать тенью любого человека, живого или мертвого, кто бы это был?

А это второй лучший вопрос, который мне когда-либо задавали. Буду с тобой brutally честен, я бы мечтал стать тенью Куортон в тот момент, когда он записывал *Twilight Of The Gods*. Это мое искреннее мнение. И за этот момент я мог бы отдать все. Я не могу описать то, как этот альбом влияет на меня, иначе, чем словом «магия». Есть множество людей, на которых я бы хотел посмотреть в их момент истины, но... Я бы хотел понять, что он

чувствовал, когда записывал акустические гитары, например, в *Blood And Iron*. Или в любом другом треке с этого альбома, потому что он оставил во мне след, который никогда не исчезнет. Это было бы просто прекрасно. Прости, если это звучит как клише, но он [Куортон] оказал на меня самое сильное влияние, и я даже не могу описать тебе, как его альбомы отразились на мне и моем представлении о том, что такое настоящая музыка.

Спасибо за интересную беседу! Я уверена, что после этого интервью многие российские поклонники тяжелой музыки захотят поближе познакомиться с творчеством Netherbird. У меня к тебе еще один вопрос. Не стоит понимать его слишком буквально. Скажи мне, что легче и увлекательнее для тебя и Netherbird — искать свет во тьме или находить величественную, вдохновляющую тьму в том, что принято считать светом?

О, этот вопрос метафоричен сам по себе! Я бы сказал, мне труднее найти темное в свете, чем наоборот — ведь чем чернее небо, тем ярче звезды, верно? Я имею в виду, что обнаружить источник света в темноте

гораздо проще. А при дневном свете тени всегда меркнут на солнце. И я признаюсь честно, что с большей охотой затемнил бы солнце днем, чем звезды ночью. Но в целом легко ли мне найти тьму внутри света? — При свете дня гораздо больше теней, так что да, легко. Имеют ли эти тени для меня значение? — Я бы сказал, что предпочел бы ночное время, когда они не видны совсем. Мне нравится это состояние без тени, когда ты сам как тень. Что же, это очень странный ответ на очень прямой вопрос... Я скажу так: днем гораздо больше теней, чем ночью — поэтому в свете больше темного, чем светлого во тьме. 🐦

В NETHERBIRD ОФОРМЛЕНИЕ
ОБЛОЖКИ МОЖЕТ ДАТЬ
НОВЫЙ ВИТОК АРАНЖИРОВКЕ,
АРАНЖИРОВКА ОТРАЖАЕТСЯ
НА МОЕЙ ЛИРИКЕ - ТАК
ЧТО ЭТО ВСЕГДА БОРЬБА
МНОЖЕСТВА ФАКТОРОВ,
КОТОРЫЕ ПОДПИТЫВАЮТСЯ
ДРУГ ОТ ДРУГА.

НЕФЕНТЕ

Нефенте: чем чернее небо,
тем ярче звезды